

Максим Александрович Керн

Ангел, бес и Василий Петрович Курочкин

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Жизнь кончена. Осталось сделать последний шаг с моста. Но у беса Бартимеуса и ангела Гавриила свои планы...

•

Ангел, бес и Василий Петрович Курочкин

Василия Петровича Курочкина била дрожь. Даже выпитые на голодный желудок

полбутылки осетинской палёной водки, купленные у таксиста, не помогали. Василий

Петрович не любил алкоголь, но нужно было уже, наконец, решиться и сделать последний

шаг. День сегодня не заладился с самого начала.

С утра жена проедала плешь, вслух громко вспоминая, какие у неё были

перспективы, и какие шикарные женихи делали ей предложение в своё время. А она, дура,

повелась на этого романтика-ботаника! Вот говорила же мама, чтобы выходила замуж за

Костика! А Костик сейчас ого-го! Бизнесмен и депутат – не то, что этот несчастный

кандидат наук, работающий за гроши в какой-то занюханной шарашкиной конторе.

Василий Петрович привычно кивал и соглашался, даже не пытаясь оправдываться.

Это было бесполезно. На любое его слово шла убойная аргументация с загибанием

пальцев в виде маленькой, обшарпанной двухкомнатной квартирки на окраине города —

люди вон, себе в центре квартиры отхватили! Отсутствием автомобиля – все на

иномарках ездят, а ты даже нашу развалюху купить не можешь! И нищеврод с копеечной

зарплатой, и импотент проклятый! Глядя, как распаляется и накручивает себя жена в

надежде на очередной скандал, Василий Петрович не мог поверить, что ещё каких-то

двадцать пять лет назад его обожаемая жена Наденька походила на тоненькую, с

огромными, доверчивыми голубыми глазами, былинку, добрую и отзывчивую. Куда всё

делось? Или прав был Воланд, и квартирный вопрос всё-таки окончательно нас испортил?

Курочкин достал из кармана старого, обтрепанного пальто бутылку и, давась и

проливая мимо рта, выпил оставшуюся половину. Раствор спирта обжег горло и

перехватил дыхание. Василий Петрович закашлялся, судорожно хватая ртом воздух.

Последней каплей стало увольнение. Придя на работу, Василий Петрович с

удивлением узнал, что с сегодняшнего дня их научно-методический отдел радиационной

плазмодинамики НИИ ЭМ, где он проработал последние двадцать лет, в должности

старшего научного сотрудника, сокращают, а его самого просто выкидывают на улицу.

В науке был смысл его жизни. Василий Петрович забывал обо всём: о вечно

недовольной жене, о шестнадцатилетней дочке, откровенно презиравшей своего отца и не

стеснявшейся даже при посторонних называть его лохом и неудачником, ведь у всех

подруг есть айфон, а у неё нет. О начальнике отдела, когда то бывшем однокурнике и

друге, открыто присваивавшим его изобретения и уже защитившем докторскую на его

работах. Василий Петрович не умел устраиваться в жизни. В свои сорок семь лет он так и

оставался по-детски наивным и доверчивым, не научился работать локтями, подсиживать

коллег и строить карьеру. И вот теперь и здесь всё кончено.

Василий Петрович сделал крохотный шаг к краю моста и осторожно глянул

вниз. Была ночь, большинство фонарей не горело, но слабого света звёзд, и фар изредка

проезжающих по мосту машин хватало, чтобы разглядеть далеко внизу тёмную, почти

чёрную массу воды.

«Интересно, это случится сразу? Это больно?» – подумал Василий Петрович,

который с детства боялся боли, прививок и чуть не падал в обморок при одной мысли о

визите к стоматологу.

– Нет, дражайший Василий Петрович! Это совершенно не

больно. Вам только

надо постараться упасть плашмя, а то, если войдёте в воду под углом, то велика

вероятность, что вы таки останетесь в живых, – послышался вдруг интеллигентный голос слева.

Василий Петрович обернулся и замер с открытым ртом. Метрах в трёх от него, на

парапете моста в раскованной позе, сидел человек. Одет он был в строгий костюм-тройку,

на ногах – лакированные полуботинки, на голове – котелок. Василий Петрович протёр

глаза и бросил взгляд на пустую бутылку из-под водки, которую не стал выкидывать с

моста, а аккуратно поставил возле металлического ограждения.

– Я не галлюцинация, милейший Василь Петрович! И палёная водка, которую вы

изволили употребить, позволю заметить, в антисанитарных условиях и без закуски, тут

совершенно не при чём! – незнакомец поправил пенсне на длинном носу и широко, располагающе улыбнулся.

– А-а-а, вы, простите...

– Ах, это вы простите, – прервал его незнакомец, спрыгивая с парапета. – Где

мои манеры? Позвольте представиться: бес второго класса Бартимеус, к вашим услугам!

С этими словами он снял котелок и раскланялся. Голову странного субъекта

украшали аккуратные рожки.

– Н-н-н-о... никаких... – залопотал совершенно обалдевший Василий Петрович.

– Что никаких? – удивлённо вытянул лицо бес. – Хотите сказать, что никаких

там бесов не существует? Знаете, довольно-таки обидно, слышать от вас такое, – бес

поджал губы и отвернулся.

– Простите... – на автомате пробормотал шокированный Василий Петрович.

– Да ну что вы, драгоценнейший мой гражданин Курочкин! – вновь засиял

улыбкой бес. – Но я вас отвлёл, простите великодушно, вы ведь прыгать собирались? Так

давайте уже, чего тянуть? Жизнь не сложилась, жена оказалась сукой, дочка вся в маму,

бывший друг-начальник на поверку оказался козлом, денег нет, друзей тоже, а теперь ещё

и без работы остались! Вы совершенно правильно всё решили, прелестнейший гражданин

Курочкин: выхода нет, только с моста в реку! – произнеся эту тираду, бес Бартимеус

аккуратно взял Василия Петровича под локоток и стал аккуратно подталкивать к краю моста.

– А ну, стоять! – раздался вопль справа.

Уже совершенно ничего не соображавший Курочкин повернул голову и увидел ещё

одного персонажа, на сей раз одетого во что-то вроде древнегреческой тоги и в сандалии

на босу ногу. Вновь прибывший был высок ростом, на груди и руках перекачивались

мощные мускулы, а в глазах плескалась холодная угроза.

– Стоило только отлучиться на минуту, так он уже людей к обрыву подталкивает!

– нимб над головой здоровяка полыхнул ярко-белым пламенем.

– Да притуши ты свою люстру, глаза режет! – бес поморщился и прикрыл глаза

рукой. – И вообще я, между прочим, делаю свою работу, а ты...

Бартимеус внезапно прищурился и, отпустив Курочкина, шагнул к ангелу. – Это

что у тебя? – бес обвиняюще ткнул пальцем куда-то в район шеи нимбоносца. —

Гаврила, проказник, это же губная помада!

– Не Гаврила, а Гавриил, сколько раз тебе говорить можно, нечисть поганая? —

взвился ангел. – И не тебе указывать на мои грехи! Тем более, это и не грех! Сам господь

призывал возлюбить ближнего своего, и в библии сказано, что ангелы сходили с небес к

земным женщинам, вот я и... сошёл, – Гавриил слегка покраснел и принялся тереть рукой шею.

– Ах, ты такой симпатюлька, когда краснеешь, чертёнок, – бес игриво провёл

пальцем по груди ангела, ставшего пунцовым от смущения и

гнева.

– Да я тебя за такие слова! – Гавриил набычился и, сжав огромные кулаки,

двинулся на беса.

– Вот, Василий Петрович, посмотрите! И это ангел господень! – патетически

воскликнул Бартимеус, быстро юркнув за спину Курочкина – А ещё на нас, честных

бесов, наговаривают: что это мы во всём виноваты, мы-де человеку нашёптываем на ухо

всякую пакость. Вот, полюбуйтесь!

Василий Петрович чувствовал, что сходит с ума. Ангел с озверевшим лицом

всерьёз пытался достать своими кулачищами беса, но тот ловко уворачивался, как щитом,

прикрываясь телом Курочкина.

«А я сошла с ума-а-а, какая досада...» – пришла вдруг на ум Василию Петровичу

сакраментальная фраза, пока его тело мотылялось из стороны в сторону, как боксёрская

груша. Ангел всё же иногда промахивался и по касательной попадал по Курочкину.

Столкнувшись с подобным сюрсом, мысли о самоубийстве, прочно сидевшие в нем

последние пару лет, вылетели из головы, как пробка из бутылки шампанского.

– Гавриил, прекращай! А то я твоему начальству настучу, чем ты в рабочее время

занимаешься, – выкрикнул из-за спины последний аргумент Бартимеус. – Ты на работе,

или кто? Ты ангел или где?

Раздувающий ноздри, как бык на корриде, ангел медленно опустил кулаки, и бес за

спиной Курочкина облегчённо выдохнул.

– Чего ты так разошёлся-то? Знаешь ведь, что у меня недобор по душам за этот

квартал.

– Недобор? – опять запыхтел, как закипающий чайник, Гавриил. – Недобор,

говоришь? Так сходил бы в мэрию, пообщался бы по душам с этим жирным мэрином или

его замом – тоже грешник хоть куда и хоть кого. Я бы и слова не сказал! А ещё лучше,

сразу в Госдуму. Там тебе такой шведский стол из грешников

– глаза разбегаются!

– Ага, как же. Туда попробуй, сунься. У них там знаешь, какая крыша? Из ваших,

между прочим! Слуги народа такие бабки отстёгивают на строительство храмов, что туда сам Люцифер соваться боится.

– Да, систему надо менять, – нахмурился ангел, – Надоел этот дуализм. Вы —

чёрные, мы – белые, а всё равно в конечном счете работаем в одной системе. Эй, а что это

с ним? Барті, похоже, мы его теряем! – Гавриил подошел к застывшему, как изваяние,

Куручкину и потряс его за плечо.

– Не смей называть меня Барті! – зло оскалился бес и помахал рукой возле глаз

Куручкина. Реакции – ноль.

В голове у Василия Петровича бушевал вулкан. Чёрные, белые, дуализм в одной

системе... В мозгу у Куручкина что-то щёлкнуло.

– А-а-а-а!!! – завопил вдруг Василий Петрович, подбежал к обалдевшему ангелу

и обнял. Затем прыжком подскочил к бесу, схватил того за руку и начал трясти.

– Родные мои! Конечно же! Дуализм! Система! Бинарная система! Всё, я побежал,

надо это срочно записать! Это прорыв, прорыв!

От избытка чувств Василий Петрович расцеловал в обе щеки шокированного беса и

побежал по мосту в сторону светящегося ночными огнями города. Вскоре звук его шагов

затих, и ангел с бесом остались одни.

Называвший себя Бартимеусом осмотрелся по сторонам, поднёс ко рту запястье и

скомандовал:

– Отмена режима «Хамелеон».

До этого абсолютно пустой мост внезапно наполнился людьми. Сбросив накидки-

хамелеоны, позволявшие оставаться практически невидимыми, сотрудники Центра

Темпоральных Исследований суетливо собирали оборудование.

Набросив поверх древнегреческой тоги термонакидку, «ангел» подошёл к «бесу».

– Товарищ полковник, разрешите обратиться? – по-военному

отчеканил

«Гавриил».

– Разрешаю. Что у тебя? – начальственно кивнул «Бартимеус».

– Я в хронопатруле недавно, мне непонятно, зачем такие сложности с этими

бесами, ангелами? Кто такой вообще этот Курочкин?

– Ты на инструктаже спал, что ли? – нахмурил брови полковник. – Лейтенант,

ты что, историю в школе вообще не изучал?

– Виноват, товарищ полковник, исправлюсь, – потупился лейтенант хронопатруля

Ильин.

– То-то же, что исправишься, – полковник достал из внутреннего кармана

пиджака пачку сигарет, щелчком выбил из неё белый цилиндрик, прикурил от зажигалки,

поднесённой лейтенантом, и с наслаждением затянулся.

– Наряд тебе вне очереди, лейтенант.

– Есть наряд вне очереди! – вытянулся во фрунт Ильин.

– Ладно, не тянись, пошутил я. Хорошо сработали, – полковник подошёл к

парапету, облокотился о железную ограду, и посмотрел вниз: – А ещё бы чуть-чуть, и...

М-да. Слушай сюда, Ильин. Почему ангел и бес – это к нашим яйцеголовым, это они там

что-то с психологическим портретом мудрили. В общем, сохранился дневник Курочкина, в

котором тот описывал свою встречу с ангелом и бесом на мосту сегодняшней ночью —

после которой он и сделал своё открытие. А кто такой сам Курочкин... Через три года

Василий Петрович Курочкин получит Нобелевскую премию по физике за открытие

принципа бинарного квантового прыжка. На его основе был построен первый

подпространственный двигатель, благодаря которому человечество вышло в глубокий

космос и расселилось по сотням планет. Вот кто такой Василий Петрович Курочкин.

Полковник достал пачку, вытряхнул ещё одну сигарету и протянул лейтенанту:

– Закуривай, Ильин, пока есть возможность. В наше время сигарет не достанешь.